Автор: admin
05.10.2010 23:13 -

Драйзер - Достоевский (Стратиевская) - Часть 5

21. Драйзер в подчинении у Достоевского

Из - за преувеличенных страхов перед теми, кто сильнее его, из - за ощущения своей слабости и незащищённости перед ними, Достоевский часто "заболевает" разного рода фобиями и расстройствами на нервной почве. Со свойственной ему (как этику - интуиту) мнительностью и обидчивостью находит себе поводы для новых беспокойств. Придумывает себе причины для новых страхов и опасений, сетует на них, рассказывая о них другим так часто, что из воображаемых объектов они превращаются в реальные, обрастают множеством вполне правдоподобных деталей, в каждой из которых он усматривает для себя новую опасность, повод для новых обид, страхов и беспокойств. Раздувает свою мнительность и обидчивость до предела и обрушивает потоком претензий и обвинений на голову кого - нибудь из окружающих его людей, упрекая их в недостаточной чуткости, в неделикатности, в безучастном и невнимательном отношении к его состоянию и возможным его тяжёлым последствиям.

Драйзер, попадая в зону страхов такого мнительного и обидчивого Достоевского либо выступает в роли главного раздражителя (если привыкает к его постоянным истерикам и перестаёт на них реагировать), либо становится постоянной сиделкой при истеричном и взвинченном Достоевском, который, желая продлить его опеку как можно дольше, всё никак не избавится от своих навязчивых страхов, культивируя их и подсаживаясь на свои тревожные ощущения, как на наркотик. Прекрасно понимая, что стоит ему только отказаться от них, заявить о своём выздоровлении и о способности обходиться без посторонней помощи, как он тут же будет покинут и отринут всем своим окружением, которое наконец - то сможет вздохнуть спокойно и заняться своими делами. Момент выздоровления Достоевского (день избавления от его страхов, истерик, страданий) станет для них светлым праздником, которого так долго и так терпеливо ждут.

Зная это и чувствуя свою вину перед ними, Достоевский изводит их новыми упрёками, особенно если видит, что их силы и терпение истощаются, — когда чувствует, что его скоро переведут на интенсивную терапию, когда начинает предполагать, что в его болезнь по большому счёту уже никто не верит, когда все вокруг уже начинают уговаривать его собраться с силами, взять себя в руки и поскорее выздороветь.

Достоевскому дорого приходится расплачиваться за стремление получать всё лучшее, из того, что ему могут дать, — за попытку удерживать в подчинении своих близких, за необходимость "делать хорошую мину при плохой игре" — носить маску кротости и смирения, накапливая в себе ненависть и раздражение, вызванное разочарованием окружающей его реальностью, неприглядные стороны который пробиваются к нему даже сквозь "розовые очки". Достоевский вынужден разряжать всю эту негативную энергию, выплёскивая её на кого - либо из своих близких — переадресовывает на них свою агрессию, считая, что по степени родства они обязаны ему всё прощать, любить,

терпеть и воспринимать его таким, каков он есть.

Драйзер не вписывается в эту схему, хотя иногда добровольно или вынужденно ему приходится попадать в такие условия и становиться буфером между Достоевским и окружающим его миром. И тогда уже ему приходится принимать на себя "удары" столь шокирующих ЭИИ, Достоевского разочарований, смягчать и сглаживать их для него, "работать громоотводом" всех накопившихся в нём негативных эмоций, аккумулировать в себе его злую энергию, или проводить её через себя, перенося её и разряжая в какой - то другой объект.

Драйзер по неопытности и по наивности может дольше других оставаться в этой мучительной для него роли. Поощряя в нём эту самоотверженность, взывая к его чуткости, милосердию и состраданию, Достоевский заставляет его бесконечно долго, добровольно и в полную силу "работать на отдачу".

Этой теме и подробному описанию этих отношений посвящены два великих произведения художественной литературы.

Первое, — блистательный роман Стефана Цвейга "Нетерпение сердца" (иногда его название переводится как "Смятение чувств"). Главный герой — ЭСИ, Драйзер, — молодой гвардейский офицер, командир гусарского полка попадает в моральную и психологическую зависимость от безнадёжно больной и безнадёжно влюблённой в него молодой девушки (ЭИИ, Достоевский), — дочери богатого и влиятельного банкира. Запутавшись в этих отношениях, бравый гусар становится для неё чем - то вроде няньки, сиделки, компаньонки, домашнего психотерапевта. Одновременно со всем этим, он работает и кем - то вроде мальчика по вызову: чуть только он заканчивает свои дневные военные учения, как за ним тут же присылают в полк, требуя, чтобы он немедленно явился к той девушке засвидетельствовать ей своё почтение, провести с ней ещё один вечер, утешить её, успокоить, развеять её страхи, сомнения, тревожное настроение. И так продолжается изо дня в день на протяжении многих месяцев. Товарищи по службе над ним смеются, считают, что он готов жениться на больной барышне, лишь бы только заполучить её приданое. С товарищами он разбирается без особых трудов, дуэли он не боится. Куда страшней для него истерики больной девушки, которые начинаются всякий раз, стоит только ему задержаться где - нибудь на учениях и опоздать к ней на встречу. Что же до слухов о его женитьбе, то они сильно преувеличены: она бы и рада выйти за него замуж, да он не решается на этот шаг, — не может позволить себе жениться на ней ни из жалости, ни по расчёту. Не может на это пойти — ни физически, ни морально. Он терпеливо несёт свою вахту, продолжая изо дня в день работать сиделкой при этой девушке и не знает, как расторгнуть эти отношения, не унизив ни её, ни своего достоинства. Её лечащий врач уговаривает его в целях скорейшего выздоровления девушки попытаться разыграть перед ней роль влюблённого. Очень неохотно он соглашается на эту уступку, а потом проклинает себя за все её последствия: разыграть роль влюблённого ему так и не удалось. Девушка сумела вывести его на откровенность и определить его истинное отношение к ней: при всём многообразии добрых и искренних чувств, основанных на нежности и сострадании,

он не смог заставить себя полюбить её как женщину. Чувствуя себя разоблачённым и понимая, что не смог выполнить свою миссию по отношению к ней, — не смог совершить того чуда, о котором говорил ему доктор, — не смог вернуть ей здоровье и силы, молодой человек вспоминает о своём служебном долге и подаёт прошение о переводе в другой город и другой гарнизон. Приказ об этом отдают и почти сразу же отменяют по требованию девушки и по просьбе её влиятельных родственников. Парень видит, что другого выхода нет, — он теперь вынужден продолжать свою миссию возле этой бедняжки, работая при ней нянькой, гувернанткой, сиделкой. Будущее представляется ему чудовищно бесперспективным: вот так и будет он год за годом сидеть возле этой больной и ничем другим в этом гарнизоне ему заниматься уже не позволят. В этой безвыходной ситуации он чувствует себя совершенно ужасно (получает "удар" по квадровому комплексу "связанных рук" и по т.н.с.(+ч.и.4) — интуиции потенциальных возможностей). Теперь уже притворяться влюблённым у него нет ни сил, ни желания. Всё это заканчивается для них обоих трагически: отчаявшись вызвать у него ответное чувство, девушка кончает свою жизнь суицидом прямо у него на глазах. Молодой человек, потрясённый увиденным, вернувшись в казарму пытается застрелиться. Но совершить задуманное не успевает, — новое обстоятельство вносит свои коррективы в его судьбу: началась Первая Мировая Война и он со своим полком должен отбыть в зону военных действий. Известие об этом он воспринимает с радостью: наконец - то появилась возможность достойно свести счёты с жизнью! С войны он возвращается прославленным и многократно награждённым героем, но жизнь по-прежнему представляет для него нестерпимую пытку. Он по - прежнему испытывает жестокие муки от чувства вины перед этой девушкой, страдает от того, что вернулся с войны живым и не смог искупить свою вину перед ней кровью.

Другое произведение (почти на ту же тему) — "Ночь нежна" Ф.С. Фицджеральда. Молодой психиатр (ЭСИ, Драйзер) становится мужем искренне влюблённой в него, но капризной и взбалмошной барышни (ЭИИ, Достоевский), истеричной и подверженной приступам депрессии, — дочери очень богатых родителей. По условиям брачного договора молодой муж наряду со своими супружескими обязанностями должен выполнять ещё и профессиональные, — обязан глушить истерики своей жены, должен оказывать ей моральную и врачебную помощь, работать при ней нянькой, сиделкой, санитаром, личным психоаналитиком, а главное, — бессменным "громоотводом", всегда готовым помочь ей разрядиться эмоционально, готовым принять на себя все её "громовые удары", аккумулировать в себе всю её негативную и злую энергию. Довольно долгое время выносливый и терпеливый супруг успешно справляется со всеми этими обязанностями. Не забывает и о профессиональной своей работе: проводит научные исследования в престижной клинике, занимается врачебной практикой. Но постепенно, угождая прихотям своей жены, он начинает увязать в пустой, бессмысленной и праздной светской жизни, чувствуя, как она опустошает его физически и морально. Теперь уже на прежнюю исследовательскую работу и врачебную практику времени не остаётся. И это обстоятельство начинает его всё больше угнетать и подавлять. Ощущая себя пустым придатком чьей - то чужой, бессмысленной и праздной жизни, устав быть заложником этой мучительной и унизительной для него ситуации, он, сам того не замечая, начинает глушить своё отчаяние алкоголем. Присутствуя на семейных банкетах и светских раутах он всё больше увеличивает дозу спиртного. Заметив

однажды, что его силы предельно истощены и как "аккумулятор" её злой энергии он уже работать не может, его жена чудесным образом "выздоравливает". Наслаждаясь своим физическим и моральным превосходством над ним (теперь она здорова, а он — больной) она безжалостно унижает его. В предвкушении романтических приключений новой, свободной жизни, она разводится с ним, оставляя его без средств к существованию, без работы, без связей, без гроша в кармане, выходит замуж за первого же пляжного жиголо, встретившегося на её пути, и уезжает с ним в свадебное путешествие на модный курорт. Тогда как её бывший муж автостопом (на большее у него денег нет) отправляется в далёкую, глухую провинцию, надеясь там получить работу в какой - нибудь захолустной больнице.

Драйзер не способен работать сиделкой и нянькой у изнеженно - истеричных и инфантильных людей. Не может слишком долго испытывать к ним любовь, доверие, сострадание. А главное, — не может испытывать к ним уважение: он глубоко презирает людей, спекулирующих на своей мнимой слабости.

Но Драйзеру свойственно переоценивать свои возможности (+ч.и.4), а ЭИИ, Достоевский этим пользуется. Жестоко манипулирует им по своей творческой интуиции потенциальных возможностей (-ч.и.2 — +ч.и.4) и бесконечно долго удерживает в зависимом и подчинённом положении. В стремлении морально доминировать над ним берёт на себя роль этического наставника. Апеллируя к его состраданию, вызывает в нём встречную (теперь уже альтруистическую) инициативу, морально стимулирует её, поддерживает и поощряет.

22. Достоевский — Драйзер. Занятие благотворительностью

Как и любой дельта - квадрал, Достоевский с большим уважением будет относиться к разносторонней одарённости Драйзера, к его стремлению открывать в себе новые таланты, максимально развивать их и реализовывать свой творческий потенциал.

Достоевскому будет импонировать творческая щедрость и расточительность Драйзера, его готовность одарить плодами своего творчества всех и каждого. Все эти качества Достоевский в нём очень быстро подметит, будет их поощрять, развивать, культивировать, оставляя за собой право первым пользоваться результатами его труда. Если продукция его творчества уникальна и представляет собой высокую художественную ценность, Достоевский найдёт способ выгодно распорядиться ею.

Если Драйзер занимается изобразительным творчеством, его лучшие работы будут отобраны для какой - нибудь благотворительной выставки. Если он профессионально занимается музыкой, его будут привлекать к участию в благотворительных концертах, на которых подолгу — иногда месяцами, годами, — будут заставлять работать бесплатно: "за спасибо" — для ощущения морального удовлетворения от осознания сделанного им доброго дела. Или "ради рекламы", — для того, чтобы о нём узнали, услышали, не позволили ему зарыть таланты в землю.

Вне зависимости от того, работает ли он на профессиональном уровне или на любительском, вокруг него постоянно снуют распорядители этих мероприятий —

представительницы ТИМа ЭИИ (Достоевский), активистки различных благотворительных организаций. Иногда это скромные и неприметные дамы неопределённого социального положения, возраста и рода занятий. Иногда (и это чаще всего) — респектабельные, импозантные дамы- благотворительницы, чрезвычайно строгие, чопорные, с холодно - надменным выражением лица. Разговаривают они со своими "подопечными" — теми, кого ангажируют для своих мероприятий, — тоже очень холодно: эмоционально сдержанно, высокомерным тоном, как бы нехотя и очень немногословно. Смотрят на них свысока, из - под полуопущенных век. Здороваются с ними тоже нехотя, — протягивая два пальца для рукопожатия.

Эти дамы всегда ставят очень строгие условия и никакого материального вознаграждения не предлагают: моральное удовлетворение — единственная награда, которую, по их мнению, должен получать от благотворительной деятельности настоящий артист, даже если он сам ещё новый в этой стране и в этом городе человек и отчаянно нуждается в постоянной работе и твёрдом заработке (на что, как правило, ни художники, ни артисты по прибытии в другую страну ещё очень долго не могут рассчитывать).

Глубокая (непрошибаемая!) уверенность в том, что творческий человек при желании всегда может для себя создать огромное количество художественных произведений и этим заработать себе на жизнь, сдерживает альтруистические порывы этих благотворительниц).

Исходя из этих соображений, они всеми силами борются с "меркантильностью" своих творческих работников. Жёстким и непреклонным тоном навязывают им до такой степени невыгодные условия, что иначе как грабительскими их не назовёшь.

Впервые будущий альтруист встречается с ними в каком - нибудь центре абсорбции для эмигрантов — в специально оборудованном для них общежитии, или в гостинице, отслужившей свой век и ставшей временным их убежищем. В холлах этих гостиниц и появляются эти импозантные дамы. Наспех организуют "приём по личным вопросам", — где - нибудь тут же за столиком пристраиваются с чашкой чая, записной книжкой, блокнотом и карандашом. И с безучастным, скучающим видом выслушивают просьбы и жалобы посетителей. Тратят на каждого не больше 5 — 7 минут. Делают пометки в своей записной книжке (чёрточку проведут, галочку чиркнут). С представителями творческих профессий беседуют обстоятельно, записывают их координаты и обещают что - нибудь для них подобрать.

Творческим работникам, взятым на заметку, они потом иногда звонят и предлагают участвовать в благотворительной акции. Оплату не предлагают. Рекомендуют сделать это ради рекламы — с тем, чтобы о них больше узнали, познакомились с их творчеством, а там — как знать! — может быть кто - нибудь в будущем и предложит им высокооплачиваемую работу.

Многие соглашаются на эти условия (и попадаются на эту удочку), а потом день за днём, месяц за месяцем работают "за спасибо". И так продолжается год, другой,

третий. На один платный ангажемент приходится пять - шесть бесплатных. О достойной оплате труда, или даже о минимально приемлемом вознаграждении дамы - благотворительницы и слышать не хотят: "Какие деньги?! Зачем им деньги? Им государство помогает! Обеспечивает денежным пособием и жильём. Что им ещё надо?! Пусть для других тоже что-нибудь сделают!".

И человек продолжает работать "на рекламу". Вот так разрекламирует себя как альтруиста, способного сколь угодно долго работать "за спасибо", а потом уже не может отбиться от всех желающих бесплатно использовать его труд. Каждый навязывает ему свои условия — одно хуже другого. Вплоть до того, что даже заставляют его тратить свои деньги на оплату всех расходов его благотворительной акции, — на гастрольную поездку в другой город, на оплату репетиционных часов с аккомпаниатором, на проезд аккомпаниатора в оба конца и на его работу в концерте. И всё это за счёт исполнителя, из его кармана, который давно пуст и в котором гуляет ветер.

Проходит ещё какое - то время, прежде чем он начинает понимать, что своей уступчивостью он не только губит себя, свою карьеру, судьбу, но и сводит к абсолютному минимуму расценки на профессиональном рынке труда. Теперь уже специалистам его квалификации никто и никогда сколь - нибудь приемлемого вознаграждения не предложит.

Тогда только он начинает понимать, ЧТО собой представляет их хвалёная благотворительность: за ней стоит самая обыкновенная алчность, корысть, расчёт, выгода, лицемерие, ханжество и жесточайшая эксплуатация чужого труда, прикрытая спекулятивными фразами. Понимает, что теперь из- за его податливости и уступчивости многие музыканты (артисты, художники) останутся без средств к существованию. (А зачем им платить, если можно заставить их работать бесплатно?). Теперь они должны будут либо сменить профессию на более востребованную, либо пойти на улицу и за мизерную плату с утра до вечера развлекать толпу.

Узнав, что кто-то из их бывших "безотказных работников", устав от обид, нищеты и отчаяния, решил поменять профессию на более востребованную и за неимением средств, сил и времени вынужден отказаться от любимой работы даже в рамках обычного хобби, дамы - благотворительницы, изображая растерянность, пожимают плечами и разводят руками, давая понять, что к выбору этих людей, к их отказу от свободного творчества они отношения не имеют.

На таких активисток - благотворительниц Драйзер, по простоте душевной и по свойственной ему творческой щедрости, попадает довольно часто. Но с предложенными условиями как правило не смиряется, — старается сразу же выходить на какие - то перспективные и более престижные уровни.

Импозантные дамы - благотворительницы иногда пытаются ему в это "помочь", передавая его по очереди, по цепочке, из рук - в руки своим сподвижницам - активисткам, заставляя работать на всё тех же не выгодных для него условиях.

О том, что их связывает круговая порука, и по всей цепочке они выставляются одинаковые и неизменные для всех условия, Драйзер не узнаёт даже в самую последнюю очередь. Он мучается страхом неизвестности, ощущением безысходности и тупика, необходимостью сделать чрезвычайно трудный и мучительный выбор (что для него крайне сложно, если он в своей творческой профессии работает по призванию и променять её ни на что другое не может).

Ему кажется, что его пускают всё по тому же замкнутому кругу. Он безуспешно пытается разорвать этот заколдованный круг, пробует повлиять на своих "благодетельниц", настаивая на улучшении условий оплаты, но как и прежде наталкивается на их безучастное отношение к его проблемам, на их отчуждённость, высокомерие и неприязненно - холодный взгляд.

В конечном итоге они его заменяют кем-то из новых своих "подопечных", а ему дают понять, что его дальнейшая судьба, равно как и творческие планы, здесь уже никого не волнуют.

Социальное пособие и льготное жильё он к тому времени уже перестаёт получать, — отведённый на абсорбцию срок строго ограничен. И ему уже не остаётся ничего другого, как поменять любимую и некогда высокооплачиваемую профессию на нелюбимую, неквалифицированную, низкооплачиваемую, но очень востребованную: стройки, заводы и фабрики теперь его ждут.

И никто ему "кренделей небесных", — работы по призванию и по высокому тарифу — уже не обещает. Могут в качестве последнего луча надежды подкинуть очередную "наживку", — предложить подготовить в кратчайший срок две - три сольные программы, по два отделения в каждой, якобы для будущего ангажемента, который возможно будет ему предложен в том случае, если его программы понравятся.

"Вы нам подготовьте что-нибудь новенькое к ближайшему фестивалю. И сделайте для каждого фестивального дня отдельную тематическую программу. Часа на полтора - два. А мы там подумаем, посмотрим, решим…" — говорят ему.

На деле всё это оборачивается для него очередной "обманкой": его опять заставляют работать для рекламы и пускают всё по тому же замкнутому кругу, каждый раз обнадёживают, а потом придумывают отговорку для того, чтобы не платить. И так продолжается до тех пор, пока не приходит время заменять и эти концертные программы чем-то другим. А долги его к тому времени достигают астрономических размеров. Концертные костюмы и инструменты изнашиваются и приходят в такое состояние, что благотворители уже отказываются его приглашать в приличное общество, цинично намекая на то, что с этаким реквизитом ему пристойней на улице выступать, — там он будет выглядеть соответствующе, да и денег заработает больше.

Приличные уличные музыканты тоже получают предложение участвовать в благотворительных акциях. Подойдёт на улице к музыканту этакая импозантная дама, и не глядя ему в глаза, с намеренно безучастным видом предлагает ему за приличное

вознаграждение выступить на ближайшем благотворительном вечере. Вознаграждение оказывается до крайности неприличным: после вечера соберут со всех столов остатки "угощения" (сухого печенья и крекеров), и отдают их музыканту с обиженным выражением лица: эта снедь могла бы им в следующий раз пригодиться.

Если музыкант будет настаивать на оплате, могут утешения ради подкинуть ему чек на тридцать или пятьдесят долларов. Подают так, словно от себя отрывают — и всё с тем же холодным и неприязненным выражением. Обиду не скрывают: "Музыкант на благотворительном вечере должен либо бесплатно, либо за символическую плату работать — на то он и благотворитель! Тридцать долларов для него — уже много!" И тут же спрашивают, не согласиться ли он выступить с этой программой и в следующий раз.

Артист прикидывает, сколько денег он смог бы заработать за то же время на улице и впредь зарекается выступать на этих благотворительных вечерах.

— *Для каких бедолаг устраивают эти вечера?*

— Невзрачные, малоприметные особы неопределённого положения и возраста (ЭИИ, Достоевский — представителей других ТИМов среди устроителей благотворительных акций видеть не приходилось) устраивают такие акции для самого скромного контингента. Проводят их в богоугодных учреждениях — в больницах для бедных, в сиротских приютах, в домах престарелых.

Благотворительницы "высшего звена" — респектабельные, импозантные дамы —устраивают такие вечера для людей своего круга. Неимущих и страждущих бедолаг они и на порог своего дома не пустят (за исключением самих музыкантов). А своих друзей иногда развлекают такими концертами, по окончании которых собирают чеки с пожертвованиями на благотворительность. На собранные средства они создают новые филиалы своих организаций, расширяют сферу их деятельности и влияния.

23. Драйзер об "избыточной" этике отношений Достоевского

С точки зрения квестима - Драйзера этике Достоевского не хватает демократичной "золотой середины". Потому, что… Вот спросите у Драйзера, что он, по большому счёту, думает об этике отношений Достоевского? Вот, поезжайте и спросите… А думает он вот, что: какая может быть этика отношений в иерархической квадре? — где все подавляют и подчиняют друг друга, вытесняют в нижние слои иерархии, создают себе контингент "обиженных и униженных", а потом вспоминают, что он у них есть, обсуждают прилюдно их страдания, смакуют, как самую пряную и щекотливую тему. Подают на банкетах как изысканный деликатес на фарфоровом блюде: рассказывают о своих благодеяниях, кто и что хорошего, для кого сделал. Организуют клубы "по интересам" вокруг этой темы для изысканных и благополучных счастливцев. Развлекаются ею в сытом и весёлом своём мещанском самодовольстве, потому что она позволяет им полнее ощутить своё слепое и сытое благополучие, позволяет насладиться им и полнее ценить то, что у них есть и щепотками от чего они предполагают поделиться. Выступают с этой темой с трибуны на своих конференциях,

призывая всех остальных следовать их примеру и идти к обиженным, идти к униженным, оставив свои теплые и просторные хоромы для кого - то другого. Выставляют эту тему, как ценный лот на престижном аукционе, на социальных и политических "ярмарках тщеславия": кто большую цену за этот лот даст, тот и популярен, тому и власть, и карты в руки, и все субсидии. Да, что говорить, — все всё знают!..

Этика отношений четвёртой квадры — спекулятивная (востребовано реализующаяся на чужих несчастьях) — этика с перегибами то в сторону альтруизма, то в сторону деспотизма, то в сторону самобичевания, то в сторону мистики и социального мифотворчества, что, пожалуй, страшнее всего, потому что тогда удаётся "запудрить мозги" и запорошить глаза огромному (астрономически большому) количеству людей на протяжении бесконечно долгого (и необозримо далёкого) периода времени, исчисляющегося столетиями и тысячелетиями.

И хотя притягателен деклатим к деклатиму бывает именно этой сказочной, сенсорной и интуитивной избыточностью. В ней, в этой этике Достоевского есть сразу всё, что только можно желать. И истощать свои мнимо - реальные и виртуальные закрома этика отношений четвёртой квадры очень не хочет — боится растерять позитивный импульс, заставляющий её быть универсально щедрой, и не донести "подарки" до нужного адресата (такой вот — "Снеговик - Почтовик"). Поэтому, со своей стороны и Достоевский боится квестимной белой этики Драйзера. И принимает её только в виде покорной суггестии Штирлица (-б.э.5). Самого Драйзера и его белой этики Достоевский боится, как всякого, кого ему не удаётся к себе быстро расположить и приручить. Боится пронзительно - острого взгляда Драйзера, который, кажется, видит его насквозь, боится его скорой и жестокой расправы, поэтому и старается держаться от него подальше. Потому, что Драйзер беспощадно мстит каждому, кто пытается… — подумайте, какая наглость!.. — исказить параметры его этической программы, стараясь перестроить её на свой лад. Драйзер жестоко мстит каждому, кто пытается запорошить ему глаза "сахарной пудрой" своего мировоззрения. (И поделом! — не ломай аналитический инструментарий его программе!).

У Драйзера глаз — алмаз! И чистотой своего восприятия этического потенциала каждого человека, с которым сталкивает его жизнь, Драйзер дорожит и аналитический инструментарий своей программы (да, хотя бы тот же её реалистический негативизм) бережёт, как зеницу ока и никому не позволяет превращать себя ни в слепца, ни в слабоумного идиота, наблюдающего мир сквозь розовые очки. Драйзер существует за счёт своего прозрения, за счёт способности прозревать и заставлять прозревать других. Поэтому любая попытка исказить ему виденье означает убить его сразу и наповал. Если Драйзер не видит, он ничего не сможет сделать, — не сможет реализовать свой творческий потенциал ни в социуме, ни в соционе. А для него это — удар по квадровому комплексу "связанных рук". Поэтому он жесточайше мстит ослепляющим его своей этикой дельта - интуитам (и особенно, своему ревизору Гексли в ИТО обратной ревизии), пытаясь отвоевать назад "свои глаза", свой исконно непредвзятый взгляд на вещи, остаться без которого для него смерти подобно. Потому и не подпускает к себе на пушечный выстрел своего любимого "родственника" -

Достоевского и очень радуется, когда тот исчезает из его поля зрения, перепуганный кажущейся неадекватной реакцией Драйзера на попытку его приручить и прикормить с руки при первом же учебно - профилактическом уроке показательного миротворчества и человеколюбия.

Для тотального умиротворения Драйзер — не совсем подходящая кандидатура. Драйзер — неподкупный и непоколебимый в своей непредвзятости страж (такова его миссия в соционе). Да к тому же — отчаянный рубака - воин, для которого нет ничего отрадней и слаще, чем с саблей наголо ринуться в самую гущу сражения. (Это же подтверждает и воинственный нрав донских казачек, умеющих держать своих мужей (лихих казаков) в узде и поколачивать их время от времени, чтобы не забывали женину руку, (как об этом хорошо было написано в повести Льва Толстого "Казаки".)

Драйзера умиротворять — только портить. И он сам это знает, поэтому старается держаться от Достоевского (равно, как и от других дельта - интуитов) подальше.

Но социону этика отношений Достоевского крайне необходима для образования гибких, пластичных и долговременных социальных и этических связей в межличностных и интертипных отношениях. Необходима для эволюции социумов и социона. Потому, что с одной только краеугольной, несгибаемо - жёсткой этикой отношений Драйзера социон развиваться не сможет: все отношения будут хрупкими, ломкими, жёсткими, неудобными, расхолаживающими, а потому и — недолговременными. Как это бывает при взаимодействии квестима с квестимом. Этика отношений Достоевского — мягче, теплее, комфортней, активизируется "заботливой", "собирательно-накопительной" сенсорикой ощущений (+О6) и в межличностных отношениях часто выступает как "утешительный приз" или как "праздничный вариант" — появляется, как добрый Санта - Клаус с полным мешком подарков "для послушных и добрых деток", рассказывает рождественские сказки, утешает и сладко убаюкивает в метель.

Как нам в нашей суровой и жестокой действительности обойтись без такой этики отношений? — этики добрых надежд, которые реализуются уже сегодня, этики ощущения доброго, светлого праздника, простого, семейного и уютного, всем доступного и делающего всех вокруг счастливыми. И какие бы "злые зимы" и продолжительные "ледниковые периоды" ни ожидали впереди человечество, нам без этой интуитивной и стратегической этики, реализуемой альтернативными и пусть даже мнимо- реальными потенциальными возможностями, их не пережить и не перезимовать…

Источник

Обсудить на форуме